

Забывтый резидент Александр БАРКОВСКИЙ

Пока в распоряжении историков имеется не так уж много документов о смутной фигуре разведчика и контрразведчика Александра Барковского-Шашкова (1895–1938). Впрочем, их достаточно для первоначального наброска биографии этого примечательного человека, за свою особую службу награждённого орденом Красной Звезды и парой золотых часов. Правда, плоховато обстоит дело с выяснением начального периода разведывательной деятельности Александра Николаевича: в анкетах 1930-х гг. он не распространялся об обстоятельствах своего попадания в ряды «бойцов невидимого фронта», о закордонной деятельности и о том, что какое-то время носил фамилию Шашков — вероятно, чекистский псевдоним, необходимый для безопасной нелегальной работы за рубежом.

Пристрастные следователи на Лубянке заставили старшего лейтенанта госбезопасности и орденоносца рассказывать фантастические подробности о своём приходе в советскую разведку. По возможности отделив истинные факты от лжи, необходимой ежовским следователям, мы получим кое-какие интересные данные.

Анкета спецназначения и автобиография говорят, что Александр Николаевич Барковский был поляком, уроженцем местечка Завихост Сандомирского уезда Родомской губернии, и происходил из мещанского сословия. В 1914 г. умер его отец-служащий; как раз тогда Барковский окончил сандомирскую гимназию и поступил в Варшавский политехнический институт. В 20-летнем возрасте, в сентябре 1915 г., Барковский в связи с войной и эвакуацией института бросил учёбу и поступил добровольцем в российскую армию. Сначала он служил в 72-м Тульском полку (уже в декабре став юнкером), но вскоре был направлен в Виленское военное училище, которое окончил в Полтаве, получив в мае 1916 г. звание прапорщика.

Направленный на Южный фронт, свежеиспечённый офицер весьма индифферентно отнёсся к падению самодержавия. С февраля революционного 17-го Барковский служил подпоручиком и помощником командира батальона. Армия разваливалась, входившие в её состав представители нацменьшинств охотно вступали в различные национальные соединения. В августе-сентябре 1917 г. Александр Барковский в г. Ровно записался — через «Союз военных поляков» — в 1-й инженерный Польский полк. Он должен был ехать в Бобруйск, но тут встретил своего знакомого — большевика Гусарского (тогда заместителя председателя, а впоследствии — председателя военно-революционного комитета Особой армии), который убедил офицера вернуться в свой 4-й самокатный (то есть велосипедный) батальон.

Батальон базировался под Ровно и был сильно большевизирован; в декабре 1917 г. Барковского выбрали комбатом. Велосипедисты дрались с петлюровцами и немцами, под натиском которых вместе с частями 126-й пехотной дивизии отступили в Киев. В феврале 1918 г. молодого комбата

перевели сотрудником для поручений при штабе Южного фронта в Полтаве и Харькове. Карьера энергичного поляка оказалась связана с первыми месяцами существования советской военной контрразведки и разведки.

С июля 1918 г. Барковский служил в Военконтроле (армейской контрразведке), а затем был переведён в Регистрационное (разведывательное) управление Южного фронта. Его работа была чрезвычайно далека от кабинетной: Барковский воевал в партизанском отряде Прокофия Тарана в Северной Таврии и не раз забрасывался в тыл к белым. Будучи настоящим офицером, он смог внедриться в известный Дроздовский полк, отчаянно дравшийся с красными. В 1920 г. Барковского перевели в Разведотдел штаба РККА и как гласного, а потом и конспиративного работника посылали в Турцию и на Балканы [341].

Там он работал, вероятно, по линии борьбы с белой эмиграцией, ибо военные структуры белых, созданные за кордоном, крайне беспокоили чекистов в течение всех двадцатых годов. Барковский стал одним из представителей многочисленной группы контрразведчиков и разведчиков польского происхождения, подвизавшихся в ОГПУ и Разведупре с легкой руки Феликса Дзержинского, охотно зачислявшего земляков в структуры госбезопасности. Даже бывшие сотрудники польской разведки, будучи перевербованными, продвинулись на советской службе, работая в иностранном отделе, подразделениях контрразведки и особых отделах. К тридцатым годам поляков удалили из центрального аппарата и щедро разбросали по периферии. Например, в середине 1930-х гг. в особых отделах Новосибирска и Омска на руководящих постах по соседству работали поляки и бывшие разведчики А. Н. Барковский и Ю. И. Маковский.

Зарубежная работа Барковского в Европе продолжалась до 1923 г., после чего нашего героя перебросили на восточное направление. Он был направлен в Читу, где активно действовал мощный разведывательный отдел Разведупра Пятой армии, наводнивший соседний Китай своей агентурой. Барковский, прибыв в Читу, сразу получил ответственную должность: в мае 1923 г. он стал начальником сектора в Разведотделе штаба Пятой Краснознамённой армии и начал работать против белогвардейцев в Китае. Его вскоре повысили, и Барковский стал врид помощника начальника Разведотдела Штарм-5. Так что его секретная и не очень долгая работа в Болгарии была оценена очень высоко, да и в Чите он продвинулся быстро. Но в кадрах военной разведки Александр Николаевич не задержался.

В те времена работники невидимого фронта легко переходили из Разведупра в ОГПУ и обратно. Так и Барковский стал работником Иностранного отдела ОГПУ: с февраля 1924 по июнь 1925 г. бывший офицер находился в разведкомандировке по линии ИНО ОГПУ в северо-восточном Китае, базирясь в крупных приграничных городах Маньчжурии — Сахаляне (Хэйхэ) и Цицикаре [342]. С июня 1925 г. вернувшийся на родину резидент почти два года применял свой опыт работы на Востоке в качестве уполномоченного полпредства ОГПУ по Дальневосточному краю в Хабаровске, располагавшего

крупным разведывательным отделом. Работы хватало: белоэмигранты постоянно забрасывали своих агентов на территорию советского Дальнего Востока и вторгались целыми отрядами, наши чекисты толпами хаживали в Маньчжурию и чувствовали себя там почти как дома, периодически похищая или убивая того или иного эмигрантского руководителя или активиста.

Затем воля начальства перебрала постепенно растущего в должности контрразведчика в Среднюю Азию. В марте 1927 г. Барковский стал старшим уполномоченным, а затем начальником отделения в ГПУ Туркменской ССР. Скорее всего, в Ашхабад его пригласил глава ГПУ Туркмении В. А. Каруцкий, отлично знавший кадры дальневосточных разведчиков. И там перед Барковским наличествовало обширное поле деятельности — одна охота за многочисленными басмачами, легко уходившими после своих набегов за границу, чего стоила. А ведь Средняя Азия к тому же много лет находилась под солидным агентурным колпаком очень профессиональной британской разведки Интеллидженс Сервис... Когда по приказу Москвы отделы контрразведки слили с особыми отделами, Барковский стал военным контрразведчиком: с сентября 1930 г. он работал помощником начальника и начальником Особого отдела ГПУ Туркмении, занимаясь теперь подавлением крестьянских восстаний.

В следующем году Барковского наконец-то приняли кандидатом в члены партии, но из-за начавшихся три года спустя следовавших друг за другом чисток и проверок партбилетов он так и не успел стать полноправным коммунистом. В феврале 1933 г. Барковского перебрали в соседний Казахстан — так началось его обратное движение на восток, закончившееся Сибирью. В Алма-Ате Барковский получил должность помначальника Особого отдела ОГПУ-НКВД Казахской ССР, но не сильно засиделся в аппарате. Год спустя, в феврале 1934 г., этот достаточно высокопоставленный работник ОГПУ вдруг надолго исчез из столицы Казахстана. Началась его последняя зарубежная командировка.

Дело в том, что как раз тогда в «особом районе Китая» Синьцзяне произошли большие перемены. Этот граничивший с Советским Союзом регион был почти независим от центральных властей и в раздираемом гражданской войной Китае стал ареной противоборства Англии, Японии и большевиков. Основное население Синьцзяна составляли отнюдь не китайцы, а уйгуры, казахи, киргизы, дунгане. Туда от большевиков бежали басмачи из Средней Азии, а в 1933 г. хлынул поток жертв «великого джута» — истребительного голода, постигшего казахов после гибели основной части скота в результате коллективизации. Не меньше ста тысяч полуживых казахов оказались в голодавшей чуть менее сильно Западной Сибири, но гораздо большее количество откочевало в Китай, оставшись там навсегда. Кое-кто из беглецов в составе вооружённых отрядов пробивался обратно в СССР, чтобы по возможности отомстить за большевистский геноцид. Так что у чекистов Казахстана были большие интересы в Китае.

А тут как раз весной 1933 г. ставленник Гоминьдана в Синьцзяне был свергнут генералом Шэн Ши-Цаем, лояльным к СССР. Чтобы подавить восстание дунган против великодержавной политики Китая, новый губернатор обратился к советским товарищам.

В Москве быстро создали солидную оперативную группировку из воинских частей и пограничников, укреплённую не менее солидным чекистским аппаратом. Александр Барковский как человек очень подготовленный возглавил войсковую разведку группировки. В течение года эта секретная воинская часть с переменным успехом воевала с поддерживаемыми японцами мятежными дунганами, в конце концов подавив восстание. Среди работников нашей разведки было мало тех, кто был знаком с местными условиями и силами противника; организовать хорошую связь на огромной территории также было крайне трудно [343].

Но победителей не судят. Многомесячные и очень затратные усилия по усмирению Синьцзяна были оценены наверху положительно. Барковский теперь мог сменить привычное ещё со времён первой мировой войны седло на автомобиль, покинув пыльную да опасную китайскую степь и обосновавшись в бурно растущем почти 400-тысячном Новосибирске — главном центре оборонной промышленности Сибири. Получение неплохой должности в столице Сибири выглядело — на фоне политической истерии после убийства Кирова — очень даже сносно. Причина переезда в Новосибирск была проста: именно туда в январе 1935 г. получил назначение бывший глава туркменских и казахстанских чекистов Василий Каруцкий, забравший на новое место группу своих алма-атинских подчинённых.

Война с консульствами

Так последней работой Барковского стало кураторство особистами Западной Сибири. В апреле 1935 г. он прибыл в Новосибирск на должность замначальника Особого отдела ГУГБ НКВД СибВО (одновременно из Сталинграда прибыл начальник Особотдела Н. Д. Пик, чекист опытный, но очень грубый и несдержанный). Барковский стал вторым человеком в крупном оперативном отделе, выискивавшим врагов народа в частях округа, включая и многочисленные войска НКВД (засоренность конвойных войск «чуждым элементом» чекисты в тот период оценивали в целых 8 %).

В феврале 1935 г. на закрытом партсобрании УГБ управления НКВД обсуждались итоги первого из московских процессов, на котором в связи с убийством Кирова был осуждён ряд бывших крупных оппозиционеров, включая Зиновьева и Каменева. Чекист И. Я. Лориц заявил, что в одной из частей СибВО был случай «ведения антисоветских разговоров среди комполитсостава, а оперативный работник, получив такие сигналы, не довёл разоблачение этих лиц до конца».

Его коллега с беспокойством подчеркнул: «Есть командиры, которые преувеличивают роль Троцкого в гражданской войне, и такие факты своевременно не вскрываются». Посыпал голову пеплом и парторг управления Н. М. Терентьев: «И в нашей парторганизации имеются отдельные лица, которые... отмечают руководящую роль Троцкого, Зиновьева, Каменева в гражданской войне» [344].

Особисты постоянно привлекались к различным крупным репрессивным акциям. Оперативник П. С. Шеманский в мае 1935 г. был командирован в Томск для помощи в расследовании дела на 35 чел., а также участвовал в изъятии «контрреволюционного элемента» в расположенном неподалеку от Томска Асиновском районе. А его коллега Е. В. Климко с августа 1936 г. около трёх месяцев работал в Немецком районе ЗСК по «ликвидации шпионских ячеек» и участвовал в арестах «шпионов» [345].

В работе чекистов разных специализаций проявлялись ведомственные противоречия: так, весной 1937 г. оперативник Секретно-политического отдела В. С. Иванов жаловался на пренебрежение особистами результатами работы коллег из других подразделений УНКВД: «Мной в начале 1936 г. в китайском колхозе Новосибирского района была вскрыта шпионская группа. Материал по этой разработке был передан в особый отдел. Там её свели на нет. Почему? Я не знаю. По-моему, этот материал заслуживал внимания».

Особисты также курировали оборонную промышленность и следили за персоналом германского, китайского и японского консульств. В основном контрразведчики передвигались тогда (даже в городах!) гужевым транспортом, что не весьма способствовало секретности наблюдения. Отметим, что в год приезда Барковского в Новосибирск на их улице случился настоящий праздник: особистам специально для слежки за автомобилем японского консульства была выделена легковушка [346]. Небольшой по численности аппарат наружного наблюдения не смог сохранить конспирацию, и всех «топтунов» японские и немецкие дипломаты знали в лицо.

Например, один из агентов «наружки» жаловался коллегам на нахальство бывшего секретаря германского консульства К. Л. Кёстинга, который якобы «вёл большую разведывательную работу на территории Новосибирской области... он буквально знал каждого разведчика, ходил мимо них, снимал головной убор и кланялся, приговаривая, что «можете сегодня за мной не ходить, так как я идти сегодня никуда не намерен» [347].

Многолетнего германского генконсула и кадрового дипломата Гросскопфа сибирские чекисты считали матёрым резидентом, хотя после возвращения в Германию он работал в МИДе, а сводки, присылавшиеся Гросскопфом из Новосибирска в посольство, были очень скудны, поверхностны и базировались в основном на материалах советской печати. Работали ли по разведывательной части его подчинённые, неизвестно, так как никаких конкретных данных об их шпионской деятельности никогда обнаружено не было. Попутно отметим

ложность высказываний авторов учебника истории КГБ о том, что «штаты консульств Германии и Японии в Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе, Тбилиси, Новосибирске, Владивостоке, Хабаровске и других городах в основном состояли из кадровых офицеров-разведчиков, вербовавших немцев, японцев, китайцев, корейцев, а также местных жителей» [348] . В условиях жесточайшей слежки у зарубежных дипломатов было немного возможностей для агентурной работы среди советских людей [349] .

По инициативе чекистов власти чинили консульству Германии всяческие препятствия. У Гросскопфа не было собственного автомобиля, и ему с августа 1934 г. было фактически запрещено, например, арендовать машину, которая в нужный для консула момент всегда оказывалась в «ремонте», а предоставить другую также «не было возможности». Гросскопф сообщал в МИД, что эти препятствия должны были пресечь его попытки совершать загородные поездки. В 1933 г. немецкое и японское консульства жаловались на неаккуратную доставку газет [350] , а позднее им мешали даже подписываться на нужные издания.

После фактического запрета пользоваться советским автотранспортом чекисты занялись небезуспешным созданием атмосферы морального террора. Так, в апреле 1935 г. был произведен обыск в квартире хорошего знакомого Гросскопфа — инженера В. П. Замятина, брата жены секретаря консульства В. Г. Кремера. Позднее Замятин был арестован и в 1936 г. расстрелян как немецкий шпион. Смертный приговор Замятину был первым, затрагивающим близких консулу людей, и вызвал шок в консульстве. Весной 1935 г. был арестован инженер, муж кухарки Кремера, а вскоре за этим последовал арест старого электрика, который многие годы отвечал за электрическое освещение немецкого и японского консульств. Некоторое время спустя на улице была задержана и сфотографирована кухарка Гросскопфа, после чего две портнихи, обслуживавшие сотрудников консульства, заявили о прекращении своей работы из опасения быть арестованными.

Летом 1935 г. разразился «дачный скандал». Три последних года консульство через Кремера снимало одну из двух частных дач, имевшихся в Ельцовке — пригороде Новосибирска. В июне 1935 г. владелец дачи объявил о преждевременном прекращении аренды, прямо ссылаясь на многочисленные аресты людей, связанных с консульством. Гросскопф исходил из того, что на владельца дачи было оказано давление, и обратился с жалобой в Запсибкрайисполком. Разумеется, власти ответили, что подозрения консула совершенно беспочвенны [351] .

Скорее всего, серьёзную разведывательную работу немецкие дипломаты не проводили. Зато относительно деятельности японской разведки ясности несколько больше. В середине 1930-х гг. в Новосибирске, сменяя друг друга, работало несколько опытных офицеров-разведчиков японского генштаба, которые усиленно следили за передвижениями военных грузов на Дальний Восток по железной дороге. Слежка за ними путём крайне агрессивного

наружного наблюдения (чекисты в буквальном смысле «пасли» японцев даже в вагонных туалетах!) и внедрения агентуры в консульство также велась постоянно.

Слуги микадо в первой половине XX века очень интересовались богатой Сибирью. С апреля 1926 до ноября 1937 г. в Новосибирске работало японское консульство. С 1929 г. его секретарем и управляющим являлся Накамура Кумасо (Кумасабуру). Как отмечали четверть века спустя сотрудники УКГБ по Новосибирской области, Накамура «занимался разведывательной деятельностью, собирал сведения о промышленных предприятиях г. Новосибирска, ходе коллективизации в области, об экспорте и импорте, о Турксибе. В этих целях Накамура обрабатывал прессу, делал вырезки и выписки из газет, журналов и других изданий и все это переводил на японский язык. Кроме того, он пытался достать материалы, характеризующие состояние промышленности и сельского хозяйства, материалы о Турксибе, об экспорте и импорте, которые не издавались в печати». Эти данные явно были получены чекистами с помощью своих агентов в консульстве, но сведения о собственно агентурной работе самого Накамура в цитируемом деле отсутствовали. Однако в отчёте Особого отдела ОГПУ СССР (июль 1932 г.) есть упоминание об инциденте с Накамура, который пытался проникнуть в закрытую зону для осмотра одного из военных объектов [352].

В середине 30-х годов консулом работал Я. Коянаги, а в апреле 1937 г. его сменил Х. Ота, который в 1945 г. был арестован советскими чекистами в Маньчжурии и дал некоторые показания о своей работе в Новосибирске. Сначала Ота заявил, что в середине 30-х годов практически все дипломатические учреждения империи в Советском Союзе вели шпионскую деятельность: «Офицеры разведки были почти везде. Такасина работал в качестве секретаря японского консульства во Владивостоке под псевдонимом Танака, Укути — в Хабаровске под псевдонимом Фудзии, Аmano — в Александровске на Сахалине под псевдонимом Сато, Мацудару работал в Чите...» [353]

Согласно сведениям, любезно предоставленным проф. Х. Куромия (США), с 1932 г. среди персонала японского консульства в Новосибирске обязательно работал представитель военной разведки. С июня 1932 по март 1934 г. это был Фукабори Юки, с марта 1934 по март 1935 г. — Кавамэ Таро. А с марта 1935 по ноябрь 1937 г. разведкой занимался майор Такасина Акира, который представлялся как Танака (в материалах НКВД А. Такасина ошибочно фигурирует как Танака Камон — скорее всего, чекисты приняли за имя должность, поскольку дипломаты звали первого секретаря консульства «Танака комон», что означало просто «советник Танака»). Кстати, современные чекисты ошибочно пишут, что настоящее имя А. Такасина — Така. Таким образом, из Владивостока, где Такасина работал под фамилией Танака, он прибыл в Новосибирск — должно быть, вместе с информацией от УНКВД по Дальневосточному краю о какой-то его предосудительной деятельности.

Наши чекисты считали главными шпионами секретарей консульства. Обычно их было несколько: первый секретарь и просто секретари. По данным НКВД, с 16 сентября 1932 по 20 марта 1934 г. секретарём консульства работал Ота Хисаси, а с 1934 по ноябрь 1935 г. — Сакабэ, которого новосибирские контрразведчики характеризовали как замкнутого человека, любителя поохотиться в тайге. В 1937 г. первым секретарём консульства был А. Такакина [354].

В досье, которые собирали новосибирские чекисты, значатся и другие секретари консульства: Кобаяси Дзиро (с 1 декабря 1932 по 1935 г.), Осуми (с 18 мая 1934 по ноябрь 1935 г.), Сайто (1935–1937 гг.), а также Такахаси Сэнсиро, даты работы которого в справке УКГБ не были указаны. Помощником у Такакина был второй секретарь Сайто, который одновременно исполнял обязанности шифровальщика и бухгалтера. Известно, что Сайто вместе с Одагири ездили в 1936 г. под видом туристов в Кузбасс и Томск. Следует учитывать, что часть дипломатов (помимо «чистых» разведчиков Фукабори, Кавамэ и Такакина) могла тоже действовать под псевдонимами. Возможно, что разведчики Фукабори и Кавамэ являлись военными атташе; о том, что эти легальные разведывательные должности были заполнены, говорит факт наличия в середине 30-х годов среди японских дипломатов Такацуи Тамоцу — секретаря военного атташе [355].

Находясь под плотнейшим колпаком наружного наблюдения, японцы не могли рассчитывать на обретение заметных агентурных позиций в военно-промышленных структурах Западной Сибири. Но главные аналитические выводы, которые от них требовались, работники консульства сделали, оказав империи серьёзную внешнеполитическую услугу. Впрочем, поняв, что СССР не собирается воевать с Японией из-за Китая, а намерен ограничиться массированными поставками вооружений Гоминьдану, уже в 1938 и 1939 гг. японская армия серьёзно пощупала мускулы северного соседа у оз. Хасан и в Монголии...

Консул Х. Ота на следствии показал чекистам (делая вид, что консульство с его приходом только-только было учреждено) следующее: «С началом военных действий в Китае мы получили указание от японского МИДа выяснить, как советские власти и население смотрят на вторжение японских войск в Китай, намерен ли Советский Союз вмешаться в эту войну, перебрасываются ли военные части на восток. С апреля 1937 г. руководством разведывательной деятельностью на этом направлении занимался лично я. Поскольку это был период сразу после учреждения консульства, ни одного агента [из числа местного населения] не было.

И я, и секретари консульства, в особенности Такакина, часто отправлялись за город к местам дислокации войск и на железнодорожные станции, собирая там интересующую нас информацию. Почти каждый день мы переправлялись через мост над Обью и под предлогом отдыха проводили на речном берегу большую часть дня, отслеживая прохождение товарных составов и исследуя особенности

перевозимых грузов. Таким образом, мы убедились, что войска на восток не перебрасываются, и в своем донесении в МИД я изложил свои выводы о том, что СССР не намерен вмешиваться в войну».

О первом секретаре консул Ота дал довольно интригующие сведения: «Такаси́на собирал подробную информацию о находившемся в окрестностях Новосибирска авиационном заводе. Я не знаю, через кого он получал сведения, но информация была настолько интересной, что офицер генерального штаба, специалист по авиации — насколько помню, Судзуки (это одна из очень распространённых японских фамилий, поэтому, возможно, она приведена Ота с целью маскировки — А. Т.) — несколько раз приезжал в Новосибирск под предлогом доставки дипломатической почты» [356].

Несложно предположить, отчего так заинтересовал японский генштаб истребитель Поликарпова И-16. Его высокие тактико-технические данные после боёв в Испании к 1937 г. сенсацией и секретом уже, в принципе, не были. Но массовое производство удачного истребителя заметно меняло картину авиационного оснащения Красной Армии. Возможно, разведчиков поразил и масштаб стройки завода горного оборудования, который в 1936 г. был переориентирован на выпуск истребителей и в следующем году начал их выпуск.

Сначала И-16 собирали на авиазаводе в Горьком, поэтому Новосибирск становился запасной базой, которая в течение 1937 г. должна была выйти на производство 1.000 истребителей в год. Однако перепрофилирование завода была слишком сложным делом и даже к концу 1937 г. станочный парк был укомплектован на четверть, из-за низкой квалификации рабочих обшивка крыльев получалась кривой, а военные приняли лишь несколько машин. Но если до июня 1941 г. завод выпустил менее 900 штук И-16 и его учебного аналога УТИ-4, то в годы войны на нём произвели 15,5 тыс. истребителей Яковлева [357]. В 1939 г. поликарповские «ишачки», в т. ч., возможно, сделанные в Новосибирске, достойно сразились с японскими самолётами над Халхин-Голом.

Журналист К. Нагоси, опираясь на опубликованную по-японски работу В. А. Бобренёва, делает вывод о том, что, хотя тайным агентам императорской армии не удалось раскрыть особо крупных сибирских военных секретов, они смогли с помощью простейших методов наблюдения дать верную информацию о стратегических военных планах СССР. Из сведений Бобренёва журналист выводит эффектное заключение, связывающее легендарного советского разведчика с пережившим советские лагеря японским консулом: «Рихард Зорге отправил Сталину зашифрованную телеграмму с достоверными сведениями: «Продвижения японской армии на север нет», но и «японский Зорге» тоже передавал на родину верную информацию: «Продвижения советской армии на восток нет» [358].

Таким образом, жёстко контролируемые органами НКВД японские разведчики смогли подсчитать не только железнодорожные вагоны, проходившие через Новосибирск. Наблюдая бурное строительство огромных военных заводов, они отследили и начало полётов испытываемых над городом истребителей И-16. Однако наш вывод 12-летней давности о том, что разведка Германии и Японии имела подробные сведения о гигантах оборонной промышленности Новосибирска и Кузбасса [359], следует признать преувеличенным, поскольку он опирался на официальные сведения ФСБ, оказавшиеся в основном недостоверными, особенно в части, касающейся деятельности немецкого консульства.

Нельзя не отметить, что в 1937–1938 гг. по дежурному обвинению в сотрудничестве с японской разведкой были арестованы (и практически целиком расстреляны) тысячи жителей Западной Сибири — «харбинцев», корейцев, китайцев, высланных из МНР русских эмигрантов... Лица, замеченные в каких-либо контактах с японцами, были собраны в шпионские организации и уничтожены во внесудебном порядке: от преподавателя русского языка в консульстве дворянина Н. Б. Колюбакина до дворника С. И. Былова и шофёра М. И. Михеева. Среди осуждённых 31 декабря 1937 г. к расстрелу 63 новосибирцев, обвинявшихся в преступных связях с японцами (среди них — Л. А. Жникруп, Е. И. Мирончик, М. И. Бутин, С. И. Былов, Н. А. Когай), один, по данным ФСБ, оказался не подлежащим реабилитации, но имя его не названо [360].

А казнённые в декабре 1937 г. уборщица японского консульства Е. И. Червова и служащая управления водного транспорта А. А. Рассонс были реабилитированы военным трибуналом СибВО в 1957 г. с уклончивой формулировкой «за недоказанностью вины»: Червова якобы рассказывала консулу «всё, что ей становилось известно, и высказывала антисоветские измышления», а Рассонс встречалась с сотрудником консульства Д. Кобаяси «и уклонялась от предложения органов НКВД о сотрудничестве с ними» [361].

«У вас будет минимум времени на обед...»

Служба в Новосибирске складывалась для Барковского непросто. Год спустя, после приезда на должность заместителя начальника УНКВД по Запсибкраю энергичного карьериста и завязатого «липача» Александра Успенского, у Барковского настали чёрные дни. Успенский его отчего-то крайне невзлюбил — возможно, как сомнительного из-за долгого пребывания за кордоном резидента, к тому же, вдобавок, поляка. Но, может быть, Барковский показался Успенскому недостаточно боевитым чекистом со слабыми успехами в разоблачении шпионов.

Когда Каруцкого летом 1936 г. за неумеренное пьянство и недостаточную борьбу с врагами Генрих Ягода снял с должности, его протее Барковский повис в воздухе. Из-за конфликта с Успенским замначальника Особотдела СибВО несколько месяцев фактически не работал, будучи отозван в Москву.

Возможно, там шла проверка Барковского, после которой чекиста обычно отправляли куда-нибудь подальше от места конфликта. Или, что тоже не исключено, в столице Александр Николаевич искал покровительства переведённого в аппарат Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД орденоносца Каруцкого, пониженного в должности всего на одну ступень и сохранившего ценные связи в верхах.

Но в начале 1937 г. Успенский получил повышение и уехал в Оренбург. Барковский вздохнул свободней (в январе 1937 г. он некоторое время был даже врид начальника Особотдела), но не успел оценить последствий уменьшения круга забот особистов в связи с тем, что в то время на базе упразднённого ЭКО был создан Контрразведывательный отдел, куда перевели значительную часть военных контрразведчиков. Особый отдел несколько сжался, утратив кураторство над оборонной промышленностью и ряд других функций.

Об оперативной работе местных особистских отделений некоторое представление можно получить по приёмно-сдаточной ведомости от 14 февраля 1937 г., подписанной бывшим замначальника особого отдела 78-й стрелковой дивизии в Томске П. И. Циунчиком. Он оставил своему сменщику следующее оперативное хозяйство — 19 агентурных разработок (одна из них — «Стихотворцы» — была уже ликвидирована с арестом фигуранта) и две «агзацепки» (одна называлась «Родня», другая была заведена на преподавательницу немецкого языка Ташмелеву). Кроме того, Циунчик передал и 34 досье, в том числе на одного из командиров роты 234-го полка.

Служивший под началом Циунчика молодой оперативник М. Н. Гусев впоследствии жаловался, что тот недооценивал агентурно-оперативную работу: всего лишь раз присутствовал с ним на явке, а из-за вялой вербовки всё осведомление по 232-му стрелковому полку в Томске в конце 1936 г., по словам Гусева, составляло едва дюжину человек, «что явно недостаточно». Также Гусев обвинял бывшего начальника в том, что Циунчик оценивал агразработки шпионского характера «Уличённые» и «Приятельница» как «абсолютно бесперспективные», хотя в 37-м фигуранты этих разработок были расстреляны как японские шпионы [362].

Слабым местом своей работы военные контрразведчики считали то, что они практически не имели агентуры среди офицеров и довольствовались сводками от сексотов-красноармейцев, что не позволяло получать серьёзный компромат на командный состав. Пережив реорганизацию, особисты весной 1937 г. совершенно неожиданно для них попали под удар, организованный новым начальником краевого УНКВД С. Н. Мироновым.

Тот стремительно раскручивал маховик репрессий и искал заговорщиков повсюду. Чекисты старались, но, как видел Миронов, с разными результатами. Секретно-политический и Контрразведывательный отделы отлично справлялись с разоблачениями групп «шпионов», «диверсантов» и «повстанцев», а вот Транспортный и Особый позорно отставали. В частности, особисты никак не

могли выйти на след «правотроцкистских заговорщиков» в частях СибВО. Это было совершенно нетерпимо, поэтому удачливого начальника СПО Серафима Попова (будущего главу УНКВД по Алтайскому краю) Миронов по совместительству назначил руководить особистами, чтобы те поучились у передовиков быстро «колоть заговорщиков».

С точки зрения Миронова, «копать» было где — недаром особо бдительные чекисты еще четырем-пятью годами ранее указывали на некие «троцкистские» проявления в аппарате СибВО. Но до 1937 г. военные контрразведчики чаще всего давали рекомендации об увольнении из РККА чем-либо скомпрометированных военных работников. После указаний Сталина и Ежова о беспощадном истреблении врагов народа особистские фабрикация «шпионско-диверсионных» групп среди мобилизованных на строительные работы тылоополченцев (так называли призванных в РККА детей лишенцев) и рядовых бойцов уже не производили впечатления. Начальству требовались заговорщики-командиры.

Посетив партсобрание ячейки Особого отдела, товарищ Миронов 14 мая 1937 г. заявил: «Я на время отсутствия т. Подольского (своего заместителя по Особому отделу — А. Т.) назначил т. Попова по совместительству начальником 5 отдела. [...] Это сделано не потому, что у т. Попова нет своих дел, а потому, что вы своими силами оказались неспособными к вскрытию серьёзных троцкистских проявлений в СибВО. Партия не может ждать, пока вы научитесь. [...] Беспомощными оказались т. Барковский и т. Подольский. И не потому, что они не хотели бороться с врагами.

...Вы были оторваны от роста остальных работников, которые боролись с троцкистами и в этой борьбе учились и росли. Самый консервативный аппарат, над которым довлеет вредительство в практической работе, это О[собыи]О[тдел] и Т[ранспортный]О[тдел]. Он как-то искусственно отвлекается от функций КРО, нацеливается на информационную профилактику. У вас и навыки такие. [...] Активных наступательных методов у вас нет. [...] Барковского я знаю по Казахстану, он там был другим, он работал в КРО и проводил неплохие комбинации. Эта работа убила его способности. [...]

Лучшим способом порвать этот консерватизм [стала передача] ...троцкистского дела в СибВО в 4 отдел (СПО — А. Т.), т. Попова назначить врид нач. 5 отдела, группу работников ОО посадить вместе с работниками 4 отдела в ущерб их самолюбию. [...] ...Дней через 10 каждый из вас будет вскрывать троцкистов, диверсантов не хуже, чем 4 отдел. Лишь бы вошли в методичку. Вы научитесь следствием наступать на врага, а через месяц вы без опеки будете вскрывать сложные дела... задача — очистить армию от всех проходящих по нашим делам. Их будет не 50, [а,] возможно, 100–150, а может и больше. [...]

Борьба будет напряжённой. У вас будет минимум времени на обед. А когда арестованных будет 50 — 100 человек, вам придётся сидеть день и ночь. В силу этого вам придётся забросить всё семейное, личное. ...Люди, у которых, может

быть, нервы не позволят сделать этого, здесь будут видны все. Троцкисты по своей природе двурушники, они и слезу пустят, и ещё кое-что будут выкидывать. Только на людей выдавших [виды] слёзы этих убийц не действуют, так как они закалены. В этой борьбе с врагами народа у вас и люди определяются: дезертиры и честные. Вы должны, товарищи, поднять все архивы и поднимать вопросы о людях, которые заслуживают нашего внимания... колебания того или иного сотрудника равносильны измене. [...] Я уверен, что у нас [в отделе] пара шпионов всё же имеется. Наша задача — выявить их... У вас, товарищи, начинается настоящая чекистская жизнь» [363].

Тон был задан. Оперативники бросились клеветать начальство и друг друга, попутно вспоминая и задержки с выплатой жалованья, и отсутствие квартир, и дороговизну в столовой, и даже неудачную композицию стенгазеты, где портреты вождей были расположены по бокам, а в центре красовался «бандит Троцкий, который своими щупальцами пытается захватить территорию СССР», и то, что Барковский не всегда давал санкции на арест.

Оперативник Ф. М. Миков, переведённый в особисты из районного отдела, жаловался: «Мне дали объект... в армии раньше я не работал... мне только рассказали, как я могу доехать до объекта. Я приехал туда, связался с командованием, представился им. Они спросили у меня документы, и когда я им показал своё старое удостоверение личности, выданное мне как сотруднику Зыряновского РО, они сказали мне, что «мы вас задержим». Когда я второй раз поехал туда, получилась такая же история».

В. Я. Чуйко негодовал на то, что сообщил начальству «о факте сожжения одним лицом троцкистской литературы и просил указаний как поступить», но ответа не дождался. А когда Чуйко пришёл к Барковскому с данными «о наличии оружия у одной группы лиц и предлагал т. Барковскому оперировать её», тот «проявил нерешительность и хотел лично проверить эти данные через встречу с источником... [но на явку] в назначенное время не пришёл».

В итоге Барковскому, не подозревавшему, что он как раз из-за своей национальности и является кандидатом в те самые невыявленные пока шпионы, о которых говорил Миронов, пришлось каяться и объясняться: «Совершенно ненормально то, что я не знаю живой агентуры. Меня выбил из колеи ряд обстоятельств. Вам, очевидно, известно, какие у меня были созданы отношения с бывшим зам. нач. УНКВД т. Успенским. Как вам известно, я был отозван в Москву, где пробыл долгое время, потом вернулся опять. Всё это нарушило моё равновесие, и я не организовал как следует своей работы. Эту ошибку я исправлю».

На партсобрании отдела 9 июня 1937 г. разбирали вопрос о скрытии Барковским документов относительно арестованного еще в феврале рядового оперативника Г. Л. Кацена. Когда летом 1936 г. в управление поступили первые материалы о якобы активной троцкистской деятельности Кацена в период его учёбы в ФЗУ на Украине, заподозренного 26-летнего особиста только полгода спустя

отстранили от агентурной работы в подразделениях Гражданского воздушного флота. В день ареста Кацена на партсобрании отдела Барковский заметил, что если сигналы на оперативника поступили от четырёх коммунистов, то им следует верить, несмотря на отрицание вины Каценом. Барковский заявил: «На участке, где работал Кацен, имеется засилие троцкистов. Кацен не дал ни одного сигнала о подрывной деятельности этих троцкистов... сросся с аппаратом обслуживаемого объекта».

В июне Барковский, оправдываясь, утверждал, что от начальства сигналов к расправе над Каценом не поступало, и он сам отстранил молодого особиста от встреч с агентами. Он признал вину в том, что не освободил Кацена от работы совсем, после чего собрание постановило считать своего начальника реабилитированным [364]. Надо сказать, что к заподозренным особистам Барковский был беспощаден: именно он осенью 1936 г. лично вёл следствие по делу оперативника П. С. Шеманского, чей зять-инженер оказался «троцкистом». Барковский очень старался доказать связь Шеманского с контрреволюционной организацией, но особого успеха не добился.

Для характеристики контрразведывательной работы Александра Николаевича показателен и такой факт: в октябре 1936 г. Барковский составил абсолютно липовую справку на арест бывшего агента особого отдела Ислама Исмагилова, татарского учителя, работавшего под кличкой «Востоков». Его использовали для «разложения мусульманской общины в Новосибирске», а также для выявления возможных связей «татарских националистов» с японцами, периодически (но без каких-либо результатов) направляя под разными предлогами в японское консульство.

Летом 1934 г. особисты решили забросить «Востокова» в Харбин для освещения белой эмиграции, но тот не смог перейти границу и в итоге уехал в Ташкент. Барковский сочинил страшную историю о том, как коварный И. И. Исмагилов «вместо честного выполнения серьёзного поручения» проник за кордон, связался в Маньчжурии с японской разведкой и по её заданию «развернул в Средней Азии шпионско-диверсионную работу». Экс-агента «Востокова» нашли в Башкирии, где он работал инструктором районо, арестовали и расстреляли.

Добившись снятия обвинений в потере бдительности после случая с Каценом, Барковский перевёл дух, но главные неприятности были впереди. И всё из-за того, что его стремление разоблачать заговорщиков не было оценено наверху из-за проклятого «пятого пункта». Ощущая сильнейшее давление от руководства управления, на партсобрании 21 июня 1937 г. Барковский уже сам обрушился на потерявших чекистское чутьё контрразведчиков, так и не «вошедших в методик», о которой говорил Миронов:

«У тов. Циунчика не сознаются арестованные. В чём дело? Циунчик — начальник отделения, старый работник, и, однако, арестованные у него не сознаются, а тов. Шалоник того же арестованного заставил сознаться. [...] Тов.

Лориц также очень долго сидел с арестованным, но не мог добиться показаний, тогда как тот же арестованный в СПО в один день сознался и дал правдивые показания. Почему тов. Цыганов, грамотный, подготовленный работник, работает плохо? По следствию у него результатов нет, в агентурной работе у него развал, контрреволюционного троцкистского подполья в обслуживаемом им танковом батальоне он до сих пор не вскрыл...»

Рядовым оперативникам тоже досталось: так, спивавшийся на глазах И. П. Сочнев совсем утратил бдительность и «с 15.VI-37 г., имея материал о контрреволюционном троцкистском выступлении командира обслуживаемой им части, до 21.VI-37 г. не довёл до сведения об этом начальника отдела». Но Барковский выделил и следователей-передовиков: так, П. А. Егоров, «работая с трудноподдающимися арестованными, почти от всех их добился хороших результатов», а А. Д. Антоновский, «добившись, чтобы ему дали арестованного, успешно закончил работу с ним, добившись его признаний».

Павел Циунчик осмелился возражать: «За мной числится группа Дорожкина, группа контрреволюционно настроенных злобствующих кулаков и, поскольку материалы на них шли от одного агента, то, возможно, они преувеличены. Дорожкин, конечно, враг, он брюзжит, ведёт агитацию, но свидетелей нет, они разъехались... Агентуру Циунчик вербует, нашёл две конспиративные квартиры. Моё отделение новое, дел в него никто не передавал, а свалили их, как в мусорную яму».

Начальник КРО Д. Д. Гречухин, вслед Попову недавно назначенный Мироновым ещё и врид начальника Особого отдела, тут же пресёк попытку П. И. Циунчика выкрутиться, задав ему лобовой вопрос: «Сколько троцкистов, шпионов и диверсантов вы арестовали и заставили признаться в течение года?» Тот без особого энтузиазма ответил: «Два человека троцкистов и одного шпиона» [365]. Остальные чекисты возражали начальству очень аккуратно, предпочитая каяться.

Начальник отделения И. Я. Лориц заявил, что «помимо желания «расколоть» и помимо ненависти к врагам нужно ещё уметь правильно эту ненависть использовать, правильно повести допрос... а мы этого не делаем». Оперуполномоченный в конвойном полку НКВД Мануйлов посетовал: «Если бы меня спросили, что я сделал в конвойном полку за время, которое я с ним работал, я бы не знал, что сказать, потому что таковы условия. Полк в подавляющем большинстве находится в разъездах, агентуру поймать трудно... В полку вскрыта контрреволюционная группа, работавшая там, но, как видно из старых материалов, были и другие контрреволюционные троцкистские элементы».

Оперативник Василий Чуйко посетовал, что за прошлый год в агентурной работе по указанию свыше несколько раз кардинально менялись методы: «то вербовали пачками, то пачками избавлялись от агентуры». Также чекиста огорчало, что в камере арестованных «разлагают»: «над арестованными

работаешь сутками, но как только он попал в камеру, всю работу нужно начинать сначала».

А главный карьерист, начальник 1-го отделения Б. М. Резниченко, несколько месяцев спустя арестованный за подделку подписей арестованных, сожалел, что раньше особисты работали без должной напористости, ограничиваясь «только тем, что информировали ПУОКР, дальше которого материалы не шли». Действительно, выход на союзный НКВД, где с нетерпением ждали крупного улова от провинциальных чекистов, развязывал руки и позволял быстро получать от лояльного к «органам» наркома обороны Ворошилова санкции на арест офицеров округа.

Дмитрий Гречухин подытожил итоги собрания, сказав, что чекисты пока вскрыли только часть троцкистского заговорщицкого центра в СибВО: «Нами вскрыт шпионаж в пользу каждой отдельной страны, кроме Америки, и армия, как видите, была поражена очень сильно. Не может быть, чтобы армейские троцкисты не были связаны с гражданской контрреволюцией. Мы на эту связь ещё не вышли... Наши товарищи, ведущие следствие, совершенно не реализуют при следствии вещественных доказательств... есть такие работники, которые ходят из комнаты в комнату, «точат лясы» и ничего не делают, таких мы разоблачим и пресекём (так и сказал: «пресекём» — А. Т.). Хорошей агентуры у нас или нет, или она неправильно используется, нужно оставить своим вниманием малины и рестораны, тогда мы с окружения выйдем на армию, тогда мы наверняка найдём шпионов» [366] .

Барковский активно участвовал в вымогательстве показаний от арестованных командиров СибВО, подсовывая им огромные списки коллег, которых следовало записать в заговорщики. Людей морили голодом и надолго лишали сна, угрожали расправой с семьями, что ломало даже самых крепких военных. Летом 1937 г. аппарат СибВО был разгромлен, а последующие чистки добивали уцелевших и отправляли в застенки тех, кто заменил в служебных креслах первую волну арестованных. Неожиданно имя Барковского сцепилось с одним его малоизвестным ныне коллегой, который также немного отметился на поприще разведки, хотя почти всё время работал по «внутренней контрреволюции».

Это был начальник Оперативного отдела управления НКВД Константин Сергеевич Циунчик — личность мрачная, причастная в 1937–1938 гг. (во время работы в Белоруссии) к вещам ужасным, но избежавшая должного наказания. Циунчик добавил к портрету Барковского новые разоблачительные краски. Возможно, Успенский подозревал Барковского именно с легкой руки этого доносчика. Перед своим отъездом на новое место службы он написал в УНКВД и Запсибкрайком ВКП (б), что Барковский отнюдь не только являлся офицером царской армии, позже служившим в польских легионах и в Дроздовском полку армии Деникина. Фантазия Циунчика работала исправно, обвиняя Барковского в весьма экзотических проступках: «После разгрома белых... очутился на Балканах, где после какой-то пьянки убил одного генерала (белого)... связался с

нашим Разведупром и при помощи последнего очутился в СССР в 1923 г.» [367].

Компромат на Барковского копили усердно, не больно озабочиваясь его качеством. Доносчики нашлись. Вероятно, оперативная легенда Барковского, внедрённого под видом беляка в стан дроздовцев, была в каких-то деталях известна его коллегам и послужила основанием для подозрений, расцветших в ежовщину. Аппарат особоуполномоченного НКВД СССР в Москве подшивал в дело Барковского заявление за заявлением.

Записка какого-то бывшего работника полпредства ОГПУ по Средней Азии в Ташкенте от 13 декабря 1936 г., объяснение бывшего работника НКВД Узбекистана Коносова, данное по запросу особоуполномоченного В. Д. Фельдмана, и рапорт оперативника 7-го отделения Отдела контрразведки ГУГБ НКВД Верховина М. П. Фриновскому 9 мая 1937 г. сообщали, что Барковский им известен давно (Коносов знал его и по закордонной работе), что он пользовался авторитетом у одного из руководителей ГПУ Туркмении А. И. Горбунова (умершего в 1936 г.) и В. А. Каруцкого с С. Г. Фириним, что был подхалимом, а главное, от других лиц они слышали, что Барковский — бывший дроздовец. Дескать, был он в белой банде, а потом эмигрировал за границу, где разоблачённый враг народа Фирин привлёк его к секретной работе. Доносчики заявляли, что подозревают Барковского в связях с иностранными разведками. Верховин, кстати, написал свой рапорт в день ареста Фирина...

Правда, не все чекисты были готовы утопить своего коллегу. В рапорте от 17 мая 1937 г. бывший закордонный работник Иван Лунченков, знавший Барковского по совместной работе с 1922 г. на Балканах и в Китае, характеризовал его как опытного хорошего работника. Аналогичную высокую оценку дал Барковскому и работник НКВД Крыма Амелин, знавший его по Туркестану. Но в аппарате особоуполномоченного эти документы проигнорировали, решив опереться исключительно на компромат.

Помощник особоуполномоченного союзного НКВД А. Я. Беленький 22 июня 1937 г. составил на имя заместителя Ежова В. М. Курского рапорт, в котором указывалось, что Барковский в своей автобиографии сообщил путаные сведения и скрыл, что он в прошлом — белый офицер. Дескать, свидетельские показания (неуказанных в рапорте лиц) говорят, что сибирский особист в 1917 г. примыкал к «Союзу военных поляков», потом служил поручиком Дроздовского полка, в 1920-м при разгроме белых бежал в Турцию, а затем перебрался в Болгарию. Чем занимался в эмиграции, неизвестно, но в 1922 г. оказался на службе в советской миссии Красного Креста и был там завербован Фириним «на секретную работу». Потом якобы вращался в «Союзе возвращения на родину». Вернулся в Советскую Россию, где устроился сначала в Разведупр, а затем и в ОГПУ (возможно, в этих обвинениях и проявилась рука К. С. Циунчика — А. Т.). Мать, брат и сестра Барковского жили в Польше. Согласно отзывам Льва Залина (главы чекистов Казахстана) и Сергея Миронова-Короля, «вскрытых дел по шпионажу у него не было» [368].

Рапорт Беленького завершался так: «Полагал бы Барковского-Шашкова арестовать». Поскольку Курский уже 8 июля 1937 г. неожиданно застрелился, то на рапорте оказались две резолюции другого ежовского заместителя — Михаила Фриновского. Первая из них гласила: «Проверить по 3 отделу». Подшитая тут же справка за подписью врио начальника 3-го (Контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД А. М. Минаева-Цикановского гласила: «На Барковского (он же Шашков) Александра Николаевича в 3 отделе ГУГБ материалов нет». Тем не менее вторая резолюция Фриновского на рапорте Беленького решила судьбу Барковского. Она состояла из одного слова: «Арестовать» [369]. Подоспел приказ Ежова по искоренению польского шпионажа во всесоюзном масштабе, который явно готовился не без помощи Фриновского, и поляк Барковский автоматически превратился в шпиона.

Да, именно пятый пункт утопил нашего героя. На советских поляков летом — осенью 1937 г. обрушилась волна беспощадного террора. Все поляки, работавшие в НКВД, согласно августовскому приказу Ежова, подлежали немедленному увольнению и аресту. Ещё недавно подчинённые Барковского пеняли ему на то, что он как начальник не занимается физкультурой и не подаёт им должного примера. А уже 25 августа 1937 г. Барковский по телеграмме особоуполномоченного В. Д. Фельдмана был арестован его новосибирским коллегой М. А. Ивановым, после чего свежее испечённого «польского шпиона» немедленно этапировали в Москву.

Первые три допроса состоялись 2 сентября, затем Барковского допросили 21 и 25 сентября. Ещё три протокола допроса относятся к октябрю, один (машинописный, то есть наверняка сводный, полученный в результате многочисленных незадокументированных допросов) был заверен следователем 26 ноября.

23 сентября в аппарате особоуполномоченного составили постановление об избрании меры пресечения и предъявлении Барковскому обвинения по ст. 58-1 «а» (измена родине). Постановление гласило, что арестованный «изобличается в том, что в 1919–1920 гг., являясь офицером царской армии, вёл активную борьбу с Советской властью, состоял на службе в банде и у белых в дроздовском полку. Находясь за границей, как бывший белый офицер был привлечён для работы и направлен в СССР бывшими работниками Разведупра РККА, ныне изобличёнными в шпионской деятельности против СССР».

Ему инкриминировали не столько сокрытие белогвардейского прошлого и проникновение в ОГПУ, хотя извивы биографии разведчика были прекрасно известны кому надо. Беда заключалась в том, что вербовщики Барковского были арестованы, и он автоматически превращался из старого разведчика во вражеского агента с не меньшим стажем. Через неделю после ареста экс-особист показал, что в октябре 1919 г. был мобилизован белыми и служил сначала в Виленском полку, а потом и в знаменитом Дроздовском полку — офицером команды связи.

После того как войска Фрунзе разгромили армию барона Врангеля и покончили с его попыткой создать государство в Крыму, Барковский повторил путь многих тысяч русских офицеров, бежавших в Константинополь. Следователям он рассказал, что служил у дроздовцев в Крыму не по заданию красных, а «по своим убеждениям», что эмигрировал не как сотрудник Разведупра, а как белоэмигрант, и что в турецкой столице вступил в банду Тарана, промышленную нападением на пароходы (так видный партизан П. Таран превратился в закордонного бандита). Далее Барковский оказался в зоне внимания нашей разведки и стал агентом Разведупра в 1922 г.

В протоколе от 26 ноября 1937 г. он вынужден был подписать «факт», что завербовавшие его в Софии резидент Разведупра Григорович (по всей вероятности, подлинное лицо) и С. Г. Фирин сразу привлекли Барковского к работе на Советскую Россию, но потом сказали, что являются шпионами... и как поляка заставили работать на польскую разведку. До 1923 г. Барковский работал в Болгарии, а по окончании первой своей зарубежной командировки Григорович и Ф. Я. Карин (резидент Иностранного отдела ВЧК-ГПУ в балканских странах) якобы поручили ему в Москве связаться с работником ОГПУ Ефимовым и действовать по его указаниям. Барковский нашёл-де Ефимова, но устроиться в центральном аппарате ОГПУ не смог и попал в Читку.

Оказавшись в Москве, Барковский пытался затянуть следствие, чтобы пережить кампанию борьбы с польскими шпионами и дождаться справедливого суда. Узник специально путал даты, чтобы ложность его показаний была как можно более очевидной. Следователям требовался обвинительный материал, который самим сочинять было трудно. Поэтому они охотно записывали всё, что говорил подследственный.

А он показал, что готовился совершить террористический акт над вождями страны: дескать, в ноябре 1935 г. через некую женщину его старый вербовщик Григорович сообщил Барковскому, что в Западную Сибирь приезжают Молотов и Каганович, так что пусть тот подготовится к покушению на них.

По словам Барковского, он не решился на теракт («не поднялась рука»), хотя имел к тому все возможности: руководил охраной приехавшего через неделю Кагановича и не раз бывал на квартире Р. Эйхе, где собирались приезжие члены Политбюро. Из-за этого Григорович во время встречи в Москве в 1936 г. назвал его трусом и больным... На самом деле Молотов и Каганович ненадолго приезжали в Новосибирск годом ранее, в сентябре и октябре 1934 г., когда Барковский ещё работал в Казахстане, поэтому любому непредвзятому человеку становилась очевидна надуманность этих выбитых из разведчика и контрразведчика показаний.

Последний наговор на себя Барковский был вынужден предпринять 17 декабря 1937 г., дав собственноручно написанные показания о работе на германскую разведку. К тому времени у чекистов уже были показания секретаря консульства В. Г. Кремера, давшего показания о шпионской работе двух

десятков руководителей Запсибкрая. Один абзац показаний Кремера был посвящён нашему герою: дескать, в конце 1935 г. Барковского завербовал консул Германии в Новосибирске Г. Гросскопф; при вербовке особист якобы признался в своей давней работе на польскую разведку, заявив, что-де теперь с удовольствием поработает и на немцев.

Шпионская работа бывшего замначальника особого отдела заключалась в том, что он информировал германскую разведку о деятельности органов НКВД и выдал агентуру, освещавшую консульство. Действительно, весь обслуживающий персонал консульства был завербован ОГПУ-НКВД; агентом Особого отдела по кличке «Спортсмен» являлся сам Кремер.

По словам Барковского, он принял «Спортсмена» на связь после приезда, а тот ему вскоре сказал, что знает: Барковский является-де польским шпионом... Барковский был завербован Кремером в августе 1936 г. и рассказывал ему о поведении на допросах некоторых арестованных немцев. Более широкой информации не давал, так как опасался скорого ареста Кремера, на чём настаивали в УНКВД. А в январе 37-го Барковский передал Кремера на связь начальнику КРО Д. Д. Гречухину и больше с ним не встречался. К сожалению, узнать подробности действительной многолетней работы Кремера на советскую контрразведку невозможно, ибо его личное агентурное дело и дело-формуляр летом 1991 г. во время панической чистки документов КГБ были уничтожены «в связи с истечением сроков хранения» [370].

Барковский не дождался открытого суда, на котором рассчитывал доказать ложность своих «признаний». Его фамилия была внесена Ежовым в специальный список, который незамедлительно оказался на столе в кабинете товарища Сталина. Список был невелик — всего 8 человек, поэтому вождь счёл возможным не визировать его лично (это бывало нечасто, обычно Сталин охотно скреплял расстрельный приговор своей подписью), а передал соратникам. Те — А. А. Жданов, В. М. Молотов, Л. М. Каганович и К. Е. Ворошилов — 3 января 1938 года поставили четыре автографа, обрекая восьмёрку суду по «первой категории» [371].

На деле подписи Сталина и его присных в случае, касавшемся работников НКВД, означали отсутствие даже комедии суда в заседании военной коллегии, где приговор был предreshён заранее. Многих видных чекистов старались вообще не выпускать к судьям, а расстреливать в так называемом особом порядке, без всякого судебного решения.

В деле № 612444 не оказалось ни протокола об окончании следствия, ни даже обвинительного заключения. Барковского просто неделю спустя выдали коменданту Военной коллегии Верховного Суда СССР с предписанием немедленно расстрелять. Предписание, заменявшее приговор, состоялось 10 января 1938 г., в тот же день Барковский был казнён. Сведения о реабилитации разведчика и особиста нами не обнаружены — вероятно, прокуроры при проверке его заведомо липового дела учли факты, свидетельствовавшие об

участии Барковского в массовых репрессиях, на что есть прямые указания в реабилитационных материалах, касавшихся расстрелянных офицеров СибВО [372].